



## Рецензии

### **Литературная репутация современного Леонида: рецензия на книгу**

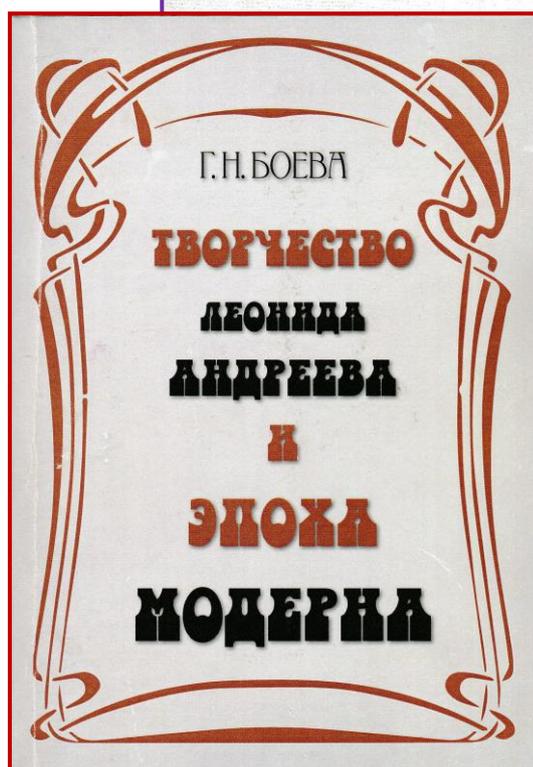
Г.Н. БОЕВА **ТВОРЧЕСТВО ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА И ЭПОХА МОДЕРНА**

**Монография / Галина Николаевна Боева. СПб.:  
Перополис, 2016. 520 с.  
ISBN 978-5-9676-0808-7**



Монография посвящена творчеству Леонида Андреева в его многообразных взаимосвязях с культурой модерна. Исследуются особенности картины мира, выстраиваемой писателем, рецепция его творчества современниками и своеобразие литературной репутации, а также творческие сближения Андреева в контексте литературы рубежа XIX – XX веков.

Книга адресована специалистам-филологам, студентам, аспирантам, а также всем, кто интересуется литературой и культурой эпохи модерна.



Если оценивать весь массив литературы о Леониде Андрееве за последнее десятилетие, то стоит признать, что интерес к этому автору существен, хотя

в основном по-прежнему сосредоточен в трёх научных центрах России — на родине писателя в Орле (монографии О. В. Володиной, 2008; Е. С. Панковой, 2012; Е. А. Михеичевой, 2016) и в столичных регионах — Москве и Санкт-Петербурге (Л. И. Шишкина, 2009; Л. А. Иезуитова, 2010; Н. С. Скороход, 2013).

Недавно в числе трудов о писателе появилось значительное пополнение — работа **Галины Николаевны Боевой**, одного из ведущих российских специалистов по творчеству Л. Н. Андреева. За системный принцип исследования учёным из Санкт-Петербурга взят контекстный компонент, при котором жизнь и творчество Андреева включаются в широкий социокультурный контекст эпохи модерна. Отсюда и целеполагание автора книги: формирование представлений о мастере как «личности модерна», жизнь которого неотделима от творчества, а творчество — от жизни. В целом жизнетворчество писателя обусловлено социокультурными процессами и современной эстетикой, для которой его художественные находки послужили одним из стимулов развития. Таким же образом рассматривается исследователем и феноменология эпохи: с одной стороны, как определяющая творческий поиск Андреева, а с другой, им же определяемая.

Контекстный подход давно и результативно применяется в сфере научных изысканий наследия Леонида Андреева, и в целом принцип подачи материала в книге Г. Н. Боевой вполне традиционный — это развёрнутые представления о жизнетворчестве писателя в «эпохальных» ориентирах, литературно-эстетические параллели с плеядой авторов-современников, яркая палитра критических откликов. Однако прочный запас научной перспективы контекстных исследований позволяет автору не идти проторёнными путями и уже с первых страниц своего труда давать материал с новым информационным наполнением и значительным интерпретационным приращением. Так, в самом начале книги автор не просто опровергает тезис о разграничении раннего Андреева-реалиста от позднего, «тяготеющего к модернизму» (заметим, тезис, приводимый в большинстве работ бездоказательно), но конституирует исходную полиморфность идиостиля писателя, системно обосновывая её примерами из раннего и зрелого Андреева.

Многокомпонентность и разноаспектность анализируемых факторов при всей сложности работы с ними не страшат исследователя. Более того, для уточнения и развёрнутого свидетельствования о них автор прибегает к объёмному анализу многих социокультурных явлений искусства эпохи модерна. Так, столь часто выявляемый в случае Андреева психопатологический клинический «базис» произведений писателя представлен в монографии следствием недифференцированного характера критики начала XX столетия, и примером тому служит масса выявленных

автором нелитературных контекстов, в которые художественное произведение критиками начала века могло быть «вмонтировано». Значительное место в исследовании занимает анализ идей Макса Нордау и дискурс «вырождения» в духе его понимания современного искусства, а также процесс «сексуализации человека» и сопутствующий ей феномен демонизации женщины. При этом подобные факты интерпретируются автором и как продукт общественных подвижек, и как результат личностных установок творческой личности эпохи модерна. Существенным для избранного автором книги ракурса не мог не стать феномен интермедиального синтеза в искусстве. И, действительно, в работе уделено много внимания и отдано немало сил для детального иллюстрирования интермедиальности как эстетического явления и факта модерн-культуры. Так, совершенно по-новому рассмотрен феномен «условности» андреевского письма, природа которого в ракурсе декоративно-плоскостного подхода в живописи становится более наглядно-понятной; секрет же характерного для произведений Андреева колебания «реальное—нереальное» в сопоставлении с приёмом *trompe l'oeil* в живописи (создания оптической иллюзии) получает новые художнические ориентиры. Особо ценным для этой работы, как истинно научной, является анализ и обширное цитирование самого широкого документального материала, значительную часть которого составляют малоизученные, а также впервые задействованные исследователем критические, мемуарные, дневниковые источники.

Все обнаруженные автором подобию и сходства (а параллелей в книге немало и вполне традиционных и абсолютно неожиданных, ранее не выявленных) подчинены магистральным стилевым и мировоззренческим принципам модерн-искусства, где в качестве центростремительной силы выступают доминанты художественной системы Леонида Андреева. Особость подхода к творчеству писателей, взятых автором книги за основу соотнесений с Андреевым, заключается в комплексном анализе их жизнетворческих стратегий. Отличие же творческой манеры письма Максима Горького, И. Бунина, Ф. Сологуба, В. Каменского, В. Хлебникова, С. Юшкевича, К. Гамсуна, Г. Ибсена, М. Метерлинка, Джека Лондона, С. Пшибышевского и других от Андреева исследователь видит в несходстве творческих ипостасей писателей, в понимании автора не менее современных художников, нежели сам Андреев. В целом приумножение всевозможных параллелей не является для автора монографией сверхзадачей, а лишь средством увидеть своеобразие художника в многоцветной палитре разнообразных литературных талантов эпохи.

Одним из ключевых и новых для современного литературоведения вопросов стала литературная репутация писателя. В свете этой проблемы обоснована новая функция литературной пародии, выступающей орудием саморефлексии культуры. Свообразие её форм и роль в формировании

имиджа Андреева как «модного» писателя выявлены Г. Н. Боевой на многочисленном материале дореволюционной критической «андреевианы» и пародийных подражаниях его произведений, материале, что ещё только входит в круг интересов специалистов-андрееведов.

Особо стоит сказать о стилистике рецензируемой монографии, автору которой не свойственно делать проходные заявления и констатировать «общие места». Если таковые и появляются на страницах исследования, то включаются автором в стройные мыслительные цепочки, систему текстовых и документальных иллюстраций, свидетельств и обобщений. Особый и в высшей степени самостоятельный анализ литературно-художественного материала и содержательно информативное его резюмирование зиждется на развёрнутой системе доказательств и стройных умозаключений, что исключает случайные и голословные заявления. При этом ход авторских рассуждений невозможно оценить как одновекторный — в наличии постоянная перефокусировка, возможная лишь при частой смене исследовательской «оптики». В результате взгляд на «неформатную» писательскую индивидуальность Андреева и на период, уникальный именно своей многоформатностью, панорамен.

Секрет работы Галины Николаевны Боевой, на наш взгляд, сокрыт в том, что в рамках, казалось бы, привычных культурологических, рецептивных, дискурсивных исследовательских проекций автор добивается нового качества в понимании «прорывных» художественных стратегий Леонида Андреева. Умелая же и последовательная работа со всем объёмом творчества писателя помогает исследователю выявить и устранить ряд «огрехов» в освещении наследия Андреева, которые за полувековую историю академического изучения обусловили особый тип восприятия его фигуры, далеко не всегда объективно и верно отражающий личность мастера. В целом, мы получили ценный труд, масштаб и всесторонность которого в полной мере удовлетворяет запросы специалистов-андрееведов, задаёт высокую планку научно-исследовательской компетенции и, безусловно, будет предметом неподдельного интереса литературоведов, культурологов и самого широкого круга почитателей творчества Леонида Андреева.

Людмила Икитян